

ТВОРЧЕСТВО КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ СОБОРНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Творчість розкривається як загальний спосіб людського буття у світі, що постає за умов сучасної цивілізації переважно перекручено, спотворено. Стверджується, що саме соборність є тією онтологічною засадою творчості, котра дозволяє їй перебувати у межах людяності як такої і бути по суті співтворчістю. Творчість за такого розуміння не тотожна з інноваційною та креативною активністю. Ключові слова: соборність, творчість, людина, глибинне спілкування, інноватика, креативність.

Процессы становления информационного общества предельно актуализируют тематику творчества, довольно часто извращая при этом его подлинную природу. Творчество редуцируется к инновационной деятельности, запрос на которую откровенно меркантилен. Поэтому **целью** статьи является раскрытие подлинных онтологических оснований творчества через содержание концепта «соборность».

Статью можно было бы назвать «Общественные основания творчества» или «Общественность как основание творчества», если бы само «общественное» не понималось как в обыденном, так и зачастую и в научном сознании как «всемство», как «социальное», как сугубо внешняя связь между человеческими индивидами, как абстрактная противоположность «индивидуальному». Вот почему мы обращаемся именно к понятию «соборность».

Соборность является основанием человеческого способа бытия и, соответственно, творчества. Концепция соборности всесторонне развита в русской религиозно-философской мысли в трудах А. Хомякова, В. Соловьёва, С. Трубецкого, Е. Трубецкого, П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Бердяева. *Соборность* противостоит ассоциации как механическому сообществу индивидов-атомов и представляет собой особенный тип человеческой общности, который характеризуется взаимопроникновением «элементов» и их свободным самостоятельным существованием («положительное всеединство» у В. Соловьёва). Соборность отличается от западного понимания «кафоличности», которая трактуется как повсеместность, всемирность. На Востоке же кафоличность характеризуется не в смысле внешнего распространения, а в измерениях некой внутренней настоящести, истинности. Иными словами, в латинском варианте «католикос» приобретает значение абстрактно-общего, а в православном «кафолический» понимается конкретно (если категории «абстрактное» и «конкретное» брать по-гегелевски), как определенная *действительная конкретность*, как внутренний универсализм, где целое равно части и часть никак не меньше целого.

Согласно С. Франку соборность является *органически неразрывным единством «я» и «ты»*, вырастающим из первичного единства «мы». «При этом не только отдельные члены соборного единства («я» и «ты» или «вы») неотделимы друг от друга, но в такой же неотделимой связи и внутренней взаимопронизанности находятся между собой само единство «мы» и расчлененная множественность входящих в него индивидов» [10]. Единство «мы» не противостоит здесь как внешнее, трансцендентное начало множественности, а имманентно присутствует в нем и изнутри ее объединяет. «А это значит: не только отдельный член единства, будучи неотделим от другого, тем самым неотделим от целого, не только «я» немислимо вне объемлющего его единства «мы», но и наоборот: единство «мы» внутренне присутствует в каждом «я», есть внутренняя основа его собственной жизни.<...> В отличие от внешнего общественного единства, где власть целого нормирует и ограничивает свободу отдельных членов и где единство осуществляется в форме внешнего порядка, разграничения компетенции, прав и обязанностей отдельных частей, единство соборности есть свободная жизнь, как бы духовный капитал, питающий и обогащающий жизнь его членов» [10].

Для адекватного понимания творчества и его природы следует обратиться к сущности собственно человеческого способа бытия. А здесь самое существенное – тот факт, что индивид присваивает *опыт других, опыт рода* сверхбиологическим способом, присваивает как культуру,

оказывается способным *нести в себе опыт рода* не в генофонде, не через природные механизмы, а совсем иначе – в сознании, *сознанием*. Собственно, последнее и означает – *со-знание, совместное знание* как моя индивидуальная способность. Форма, схема совместно-разделённой (то есть – конкретно-общей) деятельности присваивается индивидом как собственная способность, как единственно возможный способ его, индивида, отношения к миру и к самому себе.

Филогенетически поворот к человеку начинался с *ухода внутрь*, в «самость», иначе говоря – с «интериоризации» схем внешне-предметной коллективной деятельности. Но откуда берётся сама способность к интериоризации? С чего начинается человек? – *С другого человека*. Ф. Михайлов *начало человека* непосредственно связывает с феноменом «*обращений*»: «Нерасчленимый атом духовно-практического бытия людей – это не что иное, как сохраняющее и изменяющее их жизнь обращение друг к другу и к себе самим. Субъективно целеустремлённое обращение к субъективности друг друга» [7, с. 79]. Именно в таких обращениях – происходит «акт рождения в человеке осознаваемого объективного мира, а главное – это акт рождения реально-идеальной сути его тождества со своим родом – с человечеством» [7, с. 80]. Именно в *сплошности подобных обращений* и зарождается способность «*ухода внутрь*», *впускания в себя других*, рода, человечества. Кстати, способность к подобному «впусканию вовнутрь», принятию и есть, собственно, *душа, душевность*. «Обращение» в концепции Ф. Михайлова глубже просто *отношения*, связи, взаимодействия, ведь оно идёт из самой субъективности – к субъективности другого: «...возникновению и развитию духовной сущности своей психики каждый индивид Номо sapiens обязан лишь своему собственному субъективному устремлению <...> к полному сроднению с субъективностью других людей. И прежде всего – с эмоциональными переживаниями каждым из них своей способности суждения о ... совместно творимом их общем будущем» [9, с. 67]. А посему: «Порождающим и сохраняющим человека отношением было, есть и навсегда останется отношение к субъективности других людей, ищущее *со-чувствия, со-мыслия* (со-знания) и *со-гласия* в *со-действии с ними*, формирующее мотивацию их и его поведения, способное обеспечить *расширенное воспроизводство* средств к жизни и главных его условий: самоорганизующейся общности людей, креативной и когнитивной духовной и духовно-практической его продуктивности. Порождающее отношение, как и всякое отношение чего-то к чему-то, включает в себя не два, а три активно “действующих лица”: то, что относится, то, к чему оно относится, и *само связывающее их отношение* – *связку*. В этом смысле всякое (тем более порождающее) отношение обратимо: все его три элемента с равной необходимостью порождают своё единство, свою целостность» [8, с. 500].

Для понимания оснований творчества принципиальное значение имеет мысль К. Маркса о том, что если животное тождественно своей жизнедеятельности, то человек отличает себя от своей жизнедеятельности и способен самое свою жизнедеятельность делать предметом воли и сознания [6, с. 93]. Человек способен *стать в отношение* к своей жизни. Творчество же как таковое обусловлено именно этой человеческой способностью *делать для себя предметными* свои собственные *формы активности* и тем самым изменять, *преобразовывать* их.

Однако такое преобразование может происходить в различных «режимах». Инновации, проективность, *креативщина* – это такой режим пере-осуществление схем и форм активности, в котором субъект полностью обеспокоен реализацией исключительно *своей* (субъективной, партикулярной, корпоративной) цели и совершенно равнодушен к логике и онтологии целого. Именно здесь творчество и выступает в *превращённых* (извращённых, обеднённых, редуцированных, неистинных) *формах*.

Г. Батищев пишет: «Творчество начинается воистину по ту сторону всякого своемерия. Привнесение готового, априорного мерила в креативную атмосферу было бы недостойной грубостью, отзвуком низших уровней бытия» [2]. Творчество в своей истине есть *со-творчество*, равно как и человеческое *субъектное бытие* всегда по самой своей природе, имманентно, в самих глубинах своих *со-субъектно* (термин В. Лазуткина). В концепции «позднего» Г. Батищева «творчество» и *со-творчество* относятся к универсалиям «глубинного общения», причем именно *со-творчество* раскрывает истинную природу как творчества, так и человеческого призвания в бытии. Творчество, согласно Г. Батищеву, является *свободным даром встречи*, даром меж-субъектности, и связано оно со сдвигом порога распредмечиваемости, с расширением и углублением креативности за прежние пределы. Однако такой «сдвиг» гармоничен лишь при условии, когда субъект сам становится *достойным* его, когда «большее богатство ценностных адресатов

оправдывает также и большие силы и способности у него, т.е. когда у него есть *чему и кому* посвятить свое творчество» [2]. Вот именно на таком уровне углубления становится ясно, что соборность выступает *онтологическим* основанием творчества. В самих глубинах человеческого способа жизнедеятельности, так сказать, на уровне «в-себе-бытия», соборность питает, порождает и хранит человеческое в человеке. Поэтому «творчество по сути своей междусубъектно, так что сами креативные сущностные силы полностью проникнуты логикой междусубъектности» [3, с. 443].

Следующая мысль Г. Батищева тоже весьма интересна. Русский философ полагает, что подобно тому, как нельзя понять *развитие* с позиции не-развития, как нельзя понять *становление* с точки зрения ставшего бытия, точно так же и еще гораздо более серьезной степени верно то, что «творчество может вступить в адекватную ему самому *встречу* лишь с родственным ему бытием, а поэтому раскрыться постижению *исключительно и только для ТОЖЕ творчества*» [3, с. 113]. Необходима внутренняя *со-причастность* творчеств, их сущностная *взаимность*, их бытие ради друг друга, их *посвященность* и *адресованность* друг другу [3, с. 115]. Поэтому истинное творчество есть «в каждом дыхании его – со-творчество, постоянно озабоченное тем, чтобы быть всегда сгармонизированным со все дальше простирающимися смысловыми ориентирами его деяния: и чтобы вновь и вновь начинать свое деяние не со своего мерила, но с более истинного, более богатого, более мудрого: чтобы судить не со своей, якобы единственно возможной, вершинной точки зрения ни не своим “закрытым” судом, но непрестанно видеть и судить себя глазами других; чтобы высоко и бережно нести свою все возрастающую ответственность перед всей беспредельной объективной диалектикой. И самому быть не кем иным, как живым Ответом ей» [2]. Диалектика со-творчества именно такова, что глубины и богатства неисчерпаемого бытия даются только навстречу бескорыстному отношению, «парадигмально непредвзятому исканию и вопрошанию». Значит, человеку в такой ситуации очень важно не просто ощущать и осознавать себя творящим, но и очень остро и сознательно переживать себя как *наследника* универсального бытия («беспредельной объективной диалектики»), в том числе – *наследником опыта* рода человеческого, наследником всех поколений людей. И лишь тогда достижимо «единение человека с *человечеством* как претворение глубочайшей со-причастности судьбы каждого судьбе всех и зависимость судьбы всех от судьбы каждого» [2].

При таком понимании мы имеем дело уже с соборностью (как онтологическим основанием творчества) не просто «в себе», но и в состоянии развитом, развёрнутом, «для себя». Посему можно утверждать, что соборность есть такое онтологическое основание творчества, которое позволяет ему пребывать в пределах *человечности* как таковой и быть по существу со-творчеством. Любое творчество «в себе» есть со-творчество, ибо в его *основании* непременно лежит именно *соборность*.

Соборность и человечность не просто взаимосвязаны, – они насквозь проникают друг в друга, обуславливая друг друга. *Объективное* основание человечности – присутствия человечества (рода) в человеке, реальная *конкретизации всеобщего в отдельном*, что, в свою очередь, и конституирует, точнее – порождает его *особенность*. *Субъективное* основание человечности – *мера* моего ощущения, переживания и осознания этого присутствия других (человечества) во мне и, соответственно, развитость моей *способности определять* свои дела, поступки, отношения этим присутствием во мне других (человечества). Мера сформированности моей *способности само-определяться* человечеством (другими) как конкретно-всеобщим, моей способности само-определяться тем, что реально меня хранит, воспроизводит, *порождает* – как именно меня, но – как *человека* собственно (а не просто эмпирического индивида, особь, экземпляра) – *предстаёт мерой моей человечности*.

Вот почему человечность (соборность) как таковая лежит в *основании* человеческого способа бытия. Человечность (соборность) *порождает* человека и собственно человеческое в человеке. Соборность является собственно человеческо формой проявления и осуществления сущего *всеединства*.

Получается так, что *всеединство* как таковое есть начало и основание человечности (такая мысль встречается у В. Соловьева). Конкретная конфигурация этого всеединства как основания положена в *самом существе* человеческого способа бытия: нести (и не просто «нести», «иметь», «владеть», но – *продолжать, значит – развивать*) в своем *индивидуальнейшем* существовании *всеобще-человеческие* формы и способы (опыт рода, нести и хранить его сверх-биологическим способом) и непрестанно находиться в ситуации *отношения к этому опыту* (что и есть со-знание, со-знательность, со-весть). Способность *свободно само-определяться* этим опытом и тем самым

выстраивать свои обращения к другим человекам на основании именно и преимущественно *такого самоопределения* (а не партикулярного эгоистического интереса) и есть **человечность** как таковая. Утверждать *не себя*, а Другое, и в таком утверждении чувствовать и понимать всю *полноту* собственно себя и своего, собственного, само-утверждения.

Таким образом, творчество лежит в самом основании человеческого бытия и предстает *всеобщим* способом собственно человеческого бытия. Человек обречен на творчество – если его лишить возможности творить, то он будет *вытворять*, как равным образом человек обречен на свободу, обречен на развитие (ведь деградация является также формой развития, его «своим иным», точнее – «своим чужим», но – своим). На что только человек не обречен – и на смерть также. Вот только *быть человеком* он не обречен. Человеку человеком нужно *становиться*, и весьма часто он так и не становится им (т. е. личностью как высшей нормальной формой осознанного способа существования и осуществления универсальной субстанции), – не становится, если останавливается в своем само-становлении, затормозит в тупой гордыне – «я уже человек!».

Обычно творчеству как *продуктивному* процессу противопоставляют простую *репродукцию*, деятельность по схеме, шаблону, алгоритму. Действительно, историческое разделение труда обрекает большинство людей именно на такую – *использующее-приспособительную* – деятельность, противоречащую человеческой природе. Но ведь подобные функции неизмеримо лучше, быстрее и точнее человека выполняет всякая «*аппаратура*» (как точно сказал господин Коровьев у М. Булгакова в романе «Мастер и Маргарита»).

Однако настоящему творчеству противостоит и другое – его весьма распространенный (и ныне очень уважаемый и *высокооплачиваемый*) *симулякр*: инноватика, креативизм, связанный с экспансией *проективного мышления*, рассудка. В. Зинченко назвал проектирование еще одним СПИДом XX века. Погоня за новизной, поклонения новизне – продукт современной *буржуазной* цивилизации. Мих. Лифшиц писал: «Новизна становится главной ценностью, а столкновение нового с устаревшим стандартом быта – формальной схемой жизни» [5, с. 105-106]. Логика отрицания старого становится «логикой дьявола» [5, с. 306] вместо того, чтобы служить ступенькой к более высоким формам человеческой жизни. Всё это так или иначе является «бредом тёмного обывательского сознания, охваченного манией разрушения во имя нового» [5, с. 68]. На вопрос «Что такое творчество?» обывательское сознание сразу же отвечает: «Это созидание чего-то *нового, ранее не бывалого*». Блестяще, буквально наотмашь сказано Мих. Лифшицем: «Неопатия, погоня за новым – это болезнь современного обывателя, всегда способная сделать его предметом любых расчетов» [5, с. 68].

В философско-теоретическом плане за экспансией чисто проективного мышления стоят претензии конечного рассудка на право переустройства действительности согласно *своим* смыслу и целям. Справедливо утверждает В. Биbihин: «Я знаю, как сознанию тяжело избавиться от иллюзии, будто оно само как-то рождает, находит или артикулирует свои смыслы» [4, с. IX]. Утилитарно-рассудочное мышление включает в себя *реформаторские* тенденции, стремление противопоставить себя существующему объективному положению вещей. Однако «расстояние между субъективным конечным рассудком и объективным миром весьма велико» [5, с. 460].

Поклонение «креативности» является лишь гордыней конечного сознания, рассудочной болезнью ума, стремящегося все время исправлять действительность, вносить в нее *свои* смыслы и помыслы. «Не сон разума, – пишет В. Арсланов, – порождает чудовищ в XX веке, а его бодрствование и чрезмерная активность» [1, с. 10]. Прimitивный рационализм, верящий только в аргумент силы, сочетается с волюнтаризмом, – «бездумным сомнением субъекта, считающего, что мир, лежащий перед ним, – слепой и мёртвый объект для его творческой активности» [1, с. 109]. Эпоха односторонне развитой субъективности, рефлектирующего рассудка, «претензий конечного разума на рациональное руководство миром связана с буржуазным горизонтом» [5, с. 462]. Нельзя не согласиться и с таким размышлением Мих. Лифшица: «...сама творимая человеком действительность, и тем более она должна быть свободна от нашего субъективного прожектерства и доктринерского вмешательства. Умный человек должен от этого отучаться и, признавая независимость исторической действительности от претензий нашего недовольного маленького сознания, делать свое дело, как всякий обыкновенный участник общественного труда и борьбы. “Будем возделывать наш сад!” Чем независимей от наших претензий становится действительность, тем более разум становится ее *естественным* элементом, тем свободны мы сами внутренне – в философском и художественном смысле» [там же, с. 463]. Все настоящие художники «в большей или меньшей мере объективны, сознают ограниченность “конечного рассудка” и его вмешательства в действительность для исправления оной» [там же, с. 456].

Таким образом, *креативщина, инноватика* в условиях современной буржуазной по духу и целям цивилизации – это творчество в режиме «псевдо», паразитирование на творчестве, разрыв необходимейших связей человека с человеком (и с самим собой, со своей собственной глубиной), и в то же время – сплошная эксплуатация этих связей, *пользование* их изумительной энергетикой и мощью ради корыстного, частного, ограниченного и ограничивающего. Пользование соборностью – *против* соборности. Пользование другими (всеми) против других, для своих партикулярных целей и интересов. Подобный способ развития человеческой цивилизации откровенно тупиковый. Она паразитирует на творчестве, а не направлена на развитие творческих сил и способностей каждого человеческого индивида в качестве цели самой по себе.

Литература

1. Арсланов В. Г. Постмодернизм и русский «третий путь»: tertium datur российской культуры XX века / В. Г. Арсланов. – М. : Культурная революция, 2007. – 656 с.
2. Батищев Г. С. Диалектика общения [Электронный ресурс] / Г. С. Батищев. – Режим доступа : <http://mixdreams.com/ru/library/batishhev-relation.html>
3. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества / Г. С. Батищев. – СПб. : РХГИ, 1997. – 460 с.
4. Бибихин В. В. Время читать Розанова / В. В. Бибихин // Розанов В. В. О Понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. – М. : Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. – С. V-XIX.
5. Лифшиц Мих. Почему я не модернист? Философия. Эстетика. Художественная критика / М. А. Лифшиц. – М. : Искусство – XXI век, 2009. – 606 с.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 42. – М. : Политиздат, 1974. – С. 41-174.
7. Михайлов Ф. Т. Э. В. Ильенков : диалектика как логика / Ф. Т. Михайлов // Ильенковские чтения. Тезисы выступлений. – М. : Микрон-принт, 1999. – С. 73-81.
8. Михайлов Ф. Т. Философия образования: ее возможности и перспективы / Ф. Т. Михайлов // Михайлов Ф. Т. Избранное. – М. : Индрик, 2001. – С. 452-512.
9. Михайлов Ф. Т. Фантазия – главная сила души человека / Ф. Т. Михайлов // Михайлов Ф. Т. Избранное. – М. : Индрик, 2001. – С. 64-109.
10. Франк С. Л. Духовные основы общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://predanie.ru/frank-semen-lyudvigovich/book/128116-duhovnye-osnovy-obschestva/#toc9>

Summary

Vozniak V., Senio T. Creativity as a Way to Realization of the Sobornost of Human Being. Creativity is regarded as general way of human existence in the world that in conditions of modern civilization is mostly reversed. It is stated that sobornost is that one ontological background that lets creativity to keep inside humanity itself and to be co-creativity in its essence. Creativity in this case isn't equal to innovative and creative activity. **Keywords:** sobornost, creativity, human, deep communication, innovativity.

УДК 141.81, 167

Оксана Петрушенко

Львівський національний медичний університет імені Данила Галицького

ПСИХОЛОГІЧНІ АСПЕКТИ УТОПІЧНОЇ СВІДОМОСТІ

Досліджується психологічний компонент утопії на двох рівнях – на рівні індивідуальної свідомості (де йдеться про образне мислення, фантазію, пам'ять, використання знань у процесі мислення, несвідоме) та на рівні суспільної свідомості (психологія натовпу, психологія мас, «повстання мас»). Автор доходить висновку про важливість осмислення цієї проблеми не лише з погляду природи утопічних утворень свідомості, а й з практичного погляду: виникнення та поширення в суспільстві певних утопічних ідей та конструктів може призвести до непередбачуваних змін у суспільстві. **Ключові слова:** утопічна свідомість, психологічний компонент свідомості, індивідуальна свідомість, суспільна свідомість.

Постановка проблеми. Утопічні твори та утопічну свідомість досліджують під різними кутами зору – в аспекті історичному, соціально-політичному, економічному, літературознавчому тощо. Проте є ще один важливий аспект існування утопій та їх функціонування в суспільстві – це аспект психологічний. Саме цей аспект утопізму пов'язаний з такими проблемами: навіщо описувати